

СИМВОЛЬНЫЕ ЛАКУНЫ И СПОСОБЫ ИХ ЭЛИМИНАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Н. А. Фененко, С. Ю. Булгакова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 сентября 2014 г.

Аннотация: в статье представлены результаты анализа способов элиминации так называемых символических лагун, обусловленных метафорическим характером реалий в тексте оригинала. Рассматривая процесс делакунизации с позиций переводоведческой теории реалии, авторы на материале французских переводов прозаических произведений И. А. Бунина анализируют способы реноминации, используемые для заполнения и компенсации символических лагун.

Ключевые слова: лагуна, реалия, заполнение, компенсация, метатекст, символическая лагуна.

Abstract: the article presents the results of the analysis of symbolic lacunae elimination. This type of lacunae is due to the metaphorical function of the realia in the original text. The authors focus on the symbolic lacunae elimination (filling and compensation) analyzing the types of realia renomination in French translations of the novels by I. Bunin.

Key words: lacuna, realia, filling, compensation, meta text, symbolic lacuna.

Под лагунами понимают «пробелы, “белые пятна” на семантической карте языка, текста или культуры в целом, незаметные изнутри, при рассмотрении одного языка текста или культуры, но выявляющиеся при их сопоставлении» [1, с. 59].

Феномен лагун анализируется исследователями с различных позиций, что объясняет существование целого ряда классификаций лагун по различным критериям. Выделяют языковые (лингвистические) и неязыковые (экстралингвистические), абсолютные и относительные лагуны (см., например, работы таких ученых, как В. Л. Муравьев, Ю. А. Сорокин, Г. В. Быкова, И. Л. Панасюк и др.). Явление лагунарности с позиций лексической системы языка анализируется в работах З. Д. Поповой и И. А. Стернина, которые выделяют родовые и видовые, межъязыковые и внутриязыковые, номинативные и стилистические лагуны и т.д. [2, с. 22–24]. Наконец, не так давно появились работы, посвященные анализу лагун с точки зрения межкультурной коммуникации, где выделяются ментальные, культурно-эмотивные лагуны, лагуны внимания и т.д. (см. подробную классификацию в работах А. Эртельт-Фит и Э. Гродзки) [3, с. 12; 4, с. 100–101].

Для теории перевода особое значение имеют текстовые лагуны, возникновение которых обусловлено спецификой текста как инструмента общения, проявляющейся в форме фиксации и воспроизведения материала, ориентации его на определенного реципиента, особенностях поэтики автора, жанра произведения и т.д. [5, с. 80].

Эмпирической базой нашего исследования послужили тексты прозаических произведений И. А. Бунина (далее – ИТ) и их переводы на французский язык (далее – ПТ). Как показал анализ материала, специфика индивидуально-авторского реаликона [6, с. 193] И. А. Бунина представляет собой один из факторов лакунизации культурно-специфичной информации и возникновения во французских переводах следующих типов текстовых лагун: этнографических, ассоциативных, социокультурных, стилистических, символических.

Цель данной статьи – проанализировать принципы и способы элиминации лагун, обусловленных символическим характером лингвокультурных реалий в художественном тексте. Подобные лагуны мы предлагаем определять термином «символические» [7].

Сопоставительный анализ ИТ и ПТ проводился на основе теории межъязыковой реноминации, трактуемой как часть теории номинации. В русле данного подхода перевод реалии как наиболее ярких выразителей национальной культуры, которые не имеют эквивалентов в другом языке [8, с. 94], может рассматриваться как процесс их реноминации, т.е. «переозначивания содержания означаемого языкового знака, или сигнификата, средствами языка перевода с целью создания эквивалентной номинации в ПТ» [9].

В ходе анализа практического материала мы используем лингвистическую классификацию реалий [10]. Вслед за Ю. А. Сорокиным и И. Ю. Марковиной, употребляем термины «заполнение» и «компенсация» для обозначения способов элиминации лагун. Под заполнением будем понимать «процесс раскрытия смысла некоторого понятия (слова), принадлежащего

чужой для реципиента культуре», результатом которого становится новое знание о «чужой» культуре [5, с. 95]. Компенсация, напротив, подразумевает «введение специфических элементов культуры реципиента, тождественного или квазитожественного элементу исходной культуры» [там же, с. 96], т.е. подмену «чужого» «своим».

В проанализированных нами примерах в качестве символов выступают как R-реалии (артефакты), так и C-реалии (ментефакты) [11].

Например, в повести «Суходол» некоторые реалии – предметы одежды (R-реалии) – являются знаковыми в рамках задач эстетики данного произведения. Одежда выполняет в нем сюжетобразующую функцию, поскольку «несет целый ряд важных сюжетобразующих мотивов: мотив семейного родства, восточный мотив, указывающий, с одной стороны, на загадочность и тайну, а с другой стороны, на страстность природы и буйство крови» [12, с. 15]. Все эти мотивы играют важную роль в раскрытии причин упадка суходольской усадьбы, что позволяет говорить о символической функции данных реалий. Ср.:

ИТ: ...и вот он, в сафьяновых сапожках и пестром **архалуке**, заботливо и неслышно бродил по дому (...)

ПТ: *Pierre Kirillytch, en bottes de lin maroquin et en **cafetan** bigarré, rôdait, soucieux et silencieux, par la maison.*

В приведенном примере R-реалия «**архалук**» – «короткий татарский кафтан, застегивающийся на крючки, с высоким стоячим воротником» является «внешней», т.е. «чужой» [8, с. 71] как по отношению к русской, так и по отношению к французской лингвокультурам. В связи с этим она создает «намеренную» текстовую лакуну уже в самом оригинале: хотя читатель ИТ понимает из контекста, что речь идет о предмете одежды, он не представляет себе этот предмет в деталях. Чтобы предупредить возникновение лакуны в ПТ переводчик осуществляет реноминацию реалии «архалук» посредством другой «внешней», «чужой» для французской лингвокультуры реалии – *cafetan*. Последняя более известна во французской лингвокультуре, о чем свидетельствует ее зафиксированность во французском толковом словаре: «**cafetan, caftan m.**» – «*robe, surtout d'apparat, utilisée autrefois par les hommes, en Orient (длинная мужская одежда, особенно праздничная, на Востоке)*» [http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/cafetan]

Ср. также:

ИТ: Он выхолился, пополнел, носил дорогие **архалуки**, маленькие ноги свои баловал красными **татарскими туфлями** (...)

ПТ: *Il mit de coûteuses **vestes caucasiennes**, il gratifia ses petits pieds de **mules rouges**.*

В рассматриваемом примере «чужая» R-реалия

«**архалук**» в процессе реноминации передана при помощи «своей» C-реалии – экспликации «*vestes caucasiennes*» – досл. «*кавказские куртки*», что также обеспечивает сохранение восточного колорита. Что касается «чужой» реалии «**татарские туфли**», то в процессе реноминации происходит утрата национального колорита, поскольку в ПТ использована «своя» R-реалия «*mules*» – «*домашние тапочки, туфли без задника*».

Таким образом, отсутствие детальной информации относительно определенного предмета одежды восполняется в ПТ воссозданием восточного колорита. Тем самым решается задача предупреждения текстовой лакуны и сохранения символического характера R-реалии.

Реноминация русской R-реалии в ПТ может происходить посредством «своей» R-реалии за счет сближения денотата русской лингвокультуры с денотатом французской лингвокультуры, т.е. путем компенсации лакуны. Ср. следующие примеры:

ИТ: *Саня носила цветистый **мордовский костюм*** (...)

ПТ: *elle portait **un costume brodé de vives couleurs*** (...)

ИТ: *Вскоре после свадьбы он застал ее однажды заплаканной: **в мордовском костюме**, с косой, заплетенной по-девичьи...*

ПТ: *Peu de temps après leur mariage, il la surprit un jour tout en larmes: elle portait **son costume brodé, une natte de cheveux tressés à la vierge.***

Русская R-реалия «**мордовский костюм**» обозначает сложный по своей структуре, состоящий из нескольких компонентов женский народный костюм, украшенный традиционной вышивкой. Этот наряд имеет целый ряд этнокультурных особенностей, связанных с его функциями: мордовский костюм демонстрировал семейный и социальный статус, возрастную категорию обладателя, был показателем его богатства. В русской культуре он символизировал здоровье, силу и выносливость женщины, а также олицетворял традиционные представления о красоте. В рассказе И. А. Бунина «Чаша жизни» мордовский костюм становится «концептуальной вещью, определяющей сюжет произведения и особую метафизическую составляющую образа» [12, с. 7]. Сначала это «часть любовного ритуала», затем он «переходит в область символическую – становится символом прошедшей молодости, утраченных надежд, несостоявшейся любви» [там же, с. 16]. Реноминация реалии в ПТ осуществляется посредством своей C-реалии – экспликации «*un costume brodé de vives couleurs*» (досл. «*костюм с яркой вышивкой*») и «*costume brodé*» («*вышитый костюм*»). В этом случае текстовую лакуну можно считать частично заполненной, поскольку знание когнитивного контекста [13, с. 204] произведе-

дения позволяет понять и конкретный, и символический характер анализируемой реалии. Вместе с тем существенно снижается импликационная (подтекстовая) емкость ПТ.

Текстовые лакуны могут также возникать вследствие употребления в ИТ С-реалий, выполняющих символическую функцию. В таких случаях следует различать:

1. С-реалии, выполняющие символическую функцию в русской культуре в целом. Ср., например:

ИТ: *Ой, опять воробей! Ужасно боюсь, когда они залетают и бьются по зеркалу!*

ПТ: *Oh ! encore un moineau! Je ne veux pas de ces oiseaux ici, j'ai trop peur de le voir se cogner au miroir!**

**L'irruption d'un oiseau dans une pièce, surtout s'il se cogne à un miroir, est considérée par les Russes comme un mauvais présage. («Внезапное появление птицы в комнате, в особенности когда она начинает биться о зеркало, считается в России дурным предзнаменованием»).*

В ПТ для передачи русской С-реалии переводчица К. Ошар создает текстовый эквивалент, эксплицирующий культурно специфичную информацию как непосредственно в тексте ПТ («досл.: *Я не хочу, чтобы здесь были эти птицы, я слишком боюсь увидеть, как она бьется о зеркало*»), так и в переводческом метатексте. В результате осуществляется успешная элиминация лакуны.

В других случаях текстовая лакуна, возникающая вследствие особенностей восприятия реалии в русской культуре, в ПТ может сохраняться. Так, в повести «Деревня» присутствует С-реалия – описание всех этапов народного свадебного обряда (сватовство, девичник, венчание и т.д.). В частности И. А. Бунин приводит тексты традиционных песен. Ср., например:

ИТ: *Домашка... затянула грубым и сильным голосом*

старинную величальную песню:

Как у нас при вечеру-вечеру,

При последнем конце вечера,

При Авдотьином девишнику...

ПТ: *Domachka... entonnait, d'une voix rude et forte, l'antique chant de fiançailles :*

Comme chez nous, la veille, au soir,

Tout à la fin de la veille au soir,

De la veillée d'Avdotia...

Реноминация русской С-реалии «величальная песня» – одна из обрядовых песен, выполняющая магическую функцию и обеспечивающая счастье и здоровье молодых – осуществляется в ПТ посредством «своей» С-реалии – экспликации «*chant de fiançailles*» – «свадебная песня». В процессе реноминации данной русской реалии переводчик стремится создать

«свою» С-реалию, максимально приближенную к оригиналу, сохраняя ее формальные особенности, в том числе многочисленные повторы: во французском переводе досл. «*Как у нас накануне вечером, К концу вечера накануне, На вечерних посиделках в честь Авдотьи*». Во французской версии «чужая» С-реалия («девичник») подвергается реноминации посредством «своей» С-реалии – «*véillé*» – «*сумерничание; вечер (между ужином и сном); вечерние посиделки*», поскольку номинация девичника в современном понимании оказывается слишком длинной для поэтического текста, ср. словарное *soirée d'adieu qu'une jeune fille qui se marie donne à ses compagnes* – досл. «*Прощальный вечер, который девушка, выходящая замуж, дает своим подругам*».

Таким образом, в ПТ переводчик успешно создает образ русской народной свадьбы с ее специфичными обрядами и традициями. Текстовая лакуна, однако, заключается в том, что *Молодая* в повести является вдовой, и девичник – один из важнейших элементов свадебного обряда, восходящий к древнему обряду инициации, при котором девушка сначала якобы умирала, а затем возрождалась в новом статусе [14, с. 143], не имеет смысла. Он, по сути, невозможен в данном случае и становится пустой формальностью. Поэтому лакунизированной оказывается имплицитная информация, важная для понимания трагизма судьбы Молодой, выданной замуж без любви и осознающей весь ужас этого фарса.

2. С-реалии, выполняющие символическую функцию в индивидуально-авторском восприятии И. А. Бунина. В качестве примера можно привести рассказ И. А. Бунина «Косцы», в котором традиционное для писателя использование фольклорных элементов, в частности, различных атрибутов русских народных сказок, имеет дополнительную – символическую – функцию – напоминание о великом прошлом, уничтоженном большевиками: «идиллическое описание древней Руси отражает богатое наследие, трогательное единение русской души и земли, которые были уничтожены» [15, с. 78]. Ср., например:

ИТ: *Были для него ковры-самолеты, шапки-невидимки, текли реки молочные, таились клады самоцветные, от всех смертных чар были ключи вечно живой воды, знал он молитвы и заклятия, чудодейные опять-таки по вере его, улетал из темниц, скинувшись ясным соколом, о сырую Землю-Мать ударившись (...)*

ПТ: *Il avait à sa disposition des tapis volants, des bonnets magiques ; des fleuves de lait coulaient devant lui, des trésors de pierres précieuses l'attendaient cachés en un lieu secret, des sources de vie éternelle jaillissaient sur son chemin pour conjurer les envoûtements mortels; il connaissait les prières et les incantations qui opèrent les miracles de la foi; il se prosternait sur la Terre-Mère-*

Humide* et, métamorphosé en clair faucon, s'échappait des cachots à tire d'aile.

*Divinité protectrice d'origine païenne, symbole de force vitale et de fécondité.

В анализируемом примере во многих случаях переводчица К. Ошар создает средствами французского языка текстовые эквиваленты, элементы которых максимально близки к русским С-реалиям: *ковры-самолеты – tapis volants* («летающие ковры»); *реки молочные – fleuves de lait* («реки из молока»); *ключи вечно живой воды – des sources de vie éternelle* («источники вечной жизни»).

Однако в ряде примеров для создания более понятного французскому читателю образа она прибегает к лингвокультурной адаптации реалии: *шапки-невидимки – des bonnets magiques* («магические шапки»); *самобранные скатерти – les tapis volants* («ковры-самолеты»).

Таким образом, благодаря комбинированию стратегий сохранения национального колорита и лингвокультурной адаптации, в ПТ удается воссоздать атмосферу русской народной сказки.

При наличии символической функции реалии у И. А. Бунина использование «своей» С-реалии во французском переводе является одним из наиболее частотных приемов компенсации текстовых лагун. С-реалии при этом могут создаваться как самими переводчиками в метатексте, так и авторами предисловий и послесловий. Подобные «свои» С-реалии свидетельствуют о значительной работе на этапе подготовки перевода.

В качестве примера может служить образ усадьбы в повести И. А. Бунина «Суходол». Как отмечает Д. С. Лихачев, хронотоп усадьбы был для Бунина своего рода символом ушедшей России [16, с. 182]. Суходольская усадьба, чья история прослеживается от расцвета до полного запустения, становится символом упадка, отмирания старого помещичьего уклада жизни. Русская реалия «*усадьба*» встречается в ИТ 21 раз и может рассматриваться как одна его из семантических доминант. В ПТ эта реалия передается следующими способами: «*propriété*» – «*имение*» (2 раза), «*domaine*» – «*поместье, имение, владение*» (2 раза), «*maison*» – «*дом*» (11 раз), «*maison des maîtres*» – «*хозяйский дом*» (1 раз), «*Soukhodol*» – «*Суходол*» (2 раза), опущение (3 раза). Таким образом, в ПТ происходит некоторое смещение семантической доминанты и значение «русской» реалии «*усадьба*» как символа в ПТ «размывается», что приводит к образованию текстовой лагуны.

По-видимому, переводчик сам ощущал появление текстовой лагуны и попытался ее заполнить с помощью французской реалии, что прослеживается в следующем примере:

ИТ: ...так же бесследно и быстро исчезали на наших глазах и *гнезда суходольские*.

ПТ: ...disparaissaient aussi complètement et aussi rapidement sous nos yeux *les nids de gentilshommes comme celui de Soukhodol*.

* *Titre d'un roman de Tourgueniev paru en 1859 (Заглавие романа И. С. Тургенева, изданного в 1859).*

Использование в процессе реноминации «своей» С-реалии – экспликации «*les nids de gentilshommes comme celui de Soukhodol*» – досл. «*дворянские гнезда, такие же как суходольские*» – и переводческого комментария (который можно рассматривать как «свою» развернутую С-реалию) вызвана наличием в ИТ метафоры, которая подчеркивает роль суходольской усадьбы как символа отмирающего жизненного уклада. Однако и в этом случае следует говорить о сохранении текстовой лагуны, поскольку информации, эксплицированной в ПТ, недостаточно для ее заполнения: современному французскому читателю, вряд ли, знаком роман И. С. Тургенева «Дворянское гнездо».

О сохранении текстовой лагуны в ПТ можно судить также по метатекстовому комментарию О. Апера, автора послесловия к переводу. Он трижды употребляет слово «*domaine*», подчеркивая символическую роль усадьбы – «*родового микрокосма*» (*microcosme clanique*): «*Все началось здесь: задолго до дискуссий о «правах» (кровном праве, праве на землю, праве – священном! – на собственность), казалось, существовало право на владение, владение владением, в данном случае владением «Суходол» (...il y aurait eu droit du domaine, le domaine du domaine – en l'occurrence le domaine de Soukhodol)*.

Сложный аллюзивный характер бунинских реалий-символов иногда приводит к не совсем верному их толкованию, а в ряде случаев и к откровенным ошибкам переводчика. В результате, в ПТ создаются так называемые «ненамеренные» или девиантные [6, с. 167] лагуны. Однако такие лагуны в переводах прозы И. А. Бунина немногочисленны, что говорит о высокой компетентности французских переводчиков и глубоком понимании ими эстетики бунинского творчества.

Проведенный анализ позволил сделать следующие выводы.

1. Текстовые лагуны возникают при «переходе» художественного текста из одной лингвокультуры в другую. Одним из типов такого рода лагун являются лагуны, связанные с символической функцией реалий в ИТ. Символическая функция таких реалий может быть присуща им в русской культуре в целом. Однако чаще она возникает вследствие особенностей индивидуально-авторской эстетики писателя. Подобная

имплицитная информация без особого труда воспринимается носителями лингвокультуры ИТ, имеющими общую с автором текста историю, литературную и народную традицию. Однако для инокультурного реципиента, в том числе для переводчика, такие лакуны могут оказаться имплицитными и остаются в так называемой «зоне нечувствительности». Их элиминация может осуществляться посредством экспликации непосредственно в тексте ПТ или посредством переводческого метатекста.

2. Компенсация текстовых лагун, связанных с символической ролью реалии, представляется эффективной на уровне передачи основной информации содержания, однако связанная с той или иной реалией ассоциативная имплицитная информация оказывается утерянной. Следовательно, компенсация, осуществляемая путем замены чужой R/C реалии ИТ своей C-реалией в ПТ, может привести к нейтрализации имплицитных смыслов, снизить импликационную емкость ИТ, что ведет к возникновению имплицитных текстовых лагун. Компенсация зачастую используется переводчиками в тех случаях, когда символическая функция реалии понятна из когнитивного контекста произведения.

3. Заполнение текстовых лагун путем сохранения чужой R/C-реалии с последующим раскрытием ее смысла с помощью своей C-реалии позволяет сохранить колорит ИТ и акцентировать внимание читателя на особенностях бунинской эстетики, носящей ярко выраженный этнографический характер. Данный способ элиминации побуждает читателя привлечь знания когнитивного контекста произведения и пополнить свой когнитивный багаж относительно чужой культуры.

4. Заполнение текстовой лакуны может осуществляться в сопутствующем метатексте (который можно рассматривать как развернутую C-реалию), что требует от переводчика значительной работы на этапе предпереводческого анализа текста, наличия обширного когнитивного багажа и глубокого понимания особенностей авторской эстетики. В противном случае в ПТ могут возникать так называемые девиантные лакуны, созданные самим переводчиком, который неверно интерпретировал имплицитную информацию ИТ, обусловленную символическим характером реалии.

5. Элиминация текстовых лагун, связанных с символической функцией лингвокультурных реалий в ИТ, представляется необходимым и важным условием достижения импрессивной эквивалентности ИТ и ПТ и передачи особенностей индивидуально-авторской эстетики И. А. Бунина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Марковина И. Ю. Метод установления лагун в исследованиях этнопсихолингвистической специфики культур. / И. Ю. Марковина // Вопросы психолингвистики. – М. : ИЯ РАН, 2004. – № 2. – С. 58–64.
2. Попова З. Д. Язык и национальное сознание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Воронеж : Истоки, 2007. – 61 с.
3. Ertelt-Vieth A. How to Analyze and Handle Cultural Gaps in German Everyday Life (from the Perspective of Exchange Students) / A. Ertelt-Vieth // Interculture-Online. – 2003. – № 4. – Mode of access: <http://www.interculture-journal.com/index.php/icj/article/download/11/12> (дата обращения: 03.02.2013)
4. Grodzki E. M. The Lacuna Model and Its Application Potential for Advertising Research / E. M. Grodzki // Вопросы психолингвистики. – 2006. – № 3. – С. 97–105.
5. Марковина И. Ю. Культура и текст : введение в лакунологию : учеб. пособие. / И. Ю. Марковина, Ю. А. Сорокин. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2010. – 144 с.
6. Французские и русские реалии в аспекте теории межъязыковой реноминации : монография / под ред. Н. А. Фененко и А. А. Кретова. – Воронеж : Издат.-полиграф. центр Воронеж. гос. ун-та, 2013. – 220 с.
7. Булгакова С. Ю. Стратегии делакунизации во французских переводах прозы И. А. Бунина : автореф. дис. ... канд. филол. наук / С. Ю. Булгакова. – Воронеж, 2013. – 24 с.
8. Влахов С. И. Непереводимое в переводе / С. И. Влахов, С. П. Флорин. – 3-е изд. испр. и доп. – М. : Р. Валент, 2006. – 448 с.
9. Кретов А. А. Реноминация как проблема переводоведения / А. А. Кретов, Н. А. Фененко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 2. – С. 154–157.
10. Фененко Н. А. Переводоведение : проблемы и решения / Н. А. Фененко, А. А. Кретов // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 1. – С. 61–65.
11. Фененко Н. А. Лингвистический статус термина реалия / Н. А. Фененко // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 2. – Ч. 1. – С. 5–9.
12. Попова Ю. С. «Язык одежды» в творчестве И. А. Бунина : характерологические и сюжетообразующие функции : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. С. Попова. – Воронеж, 2012. – 22 с.
13. Ледерер М. Актуальные аспекты переводческой деятельности в свете интерпретативной теории перевода / М. Ледерер ; пер. с фр. Н. А. Фененко, Е. А. Алексеева. – СПб. : Изд-во Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2007. – 223 с.
14. Фиш М. Ю. Свадебный обряд в повести И. Бунина «Деревня» (к проблеме метафизики чувственного)

/ М. Ю. Фиш // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. – 2006. – № 2. – С. 142–145.

15. *Hauchard C.* La prose de I. A. Bunine de 1920 à 1953 : la reconstruction d'une œuvre. Thèse de doctorat d'études slaves. – Paris : Université Paris-Sorbonne, Paris IV, 1993. – 407 p.

16. *Лихачёв Д. С.* Тёмные аллеи / Д. С. Лихачёв // Звезда. – 1981. – № 3. – С. 182–184.

ИСТОЧНИКИ

17. *Бунин И. А.* Собрание сочинений : в 9 т. / И. А. Бунин ; под общ. ред. А. С. Мясникова [и др.] ; вступ. ст. А. Т. Твардовского ; прим. О. Н. Михайлова и А. К. Бабореко. – М. : Худ. лит, 1965 – 1967.

Воронежский государственный университет

Фененко Н. А., доктор филологических наук, профессор кафедры французской филологии

E-mail: fenenko@rgph.vsu.ru

Тел.: 8 (473) 252-22-38

Булгакова С. Ю., кандидат филологических наук, преподаватель кафедры французской филологии

E-mail: svetlanbulgakov@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 252-22-38

18. *Bounine I.* La Vie d'Arséniev: jeunesse / I. Bounine, traduction et notes de C. Hauchard, préface de Jacques Catteau. – Paris : Bartillat, 1999. – 476 p.

19. *Bounine I.* Le Calice de vie. / I. Bounine // Le Calice de vie, trad. du russe par Maurice. – Gallimard : Collection «L'imaginaire», Paris, 1990. – P. 7–39.

20. *Bounine I.* Le village. Roman. Traduit du russe par Maurice Parijanine. Préface de Pierre Lorrain. Bartillat, Paris, 2011. – 268 p.

21. *Bounine I.* Soukhodol, traduit du russe par Madeleine Lejeune; postface d'Olivier Apert. – Paris, Éd. des Syrtes, 2005. – 153 p.

Voronezh State University

Fenenko N. A., Doctor of Philology, Professor of the French Philology Department

E-mail: fenenko@rgph.vsu.ru

Tel.: 8 (473) 252-22-38

Bulgakova S. Yu., Candidate of Phylology, Lecturer of the French Phylology Department

E-mail: svetlanbulgakov@yandex.ru

Tel.: 8 (473) 252-22-38